5. *Трубина Е. Г.* Город в теории: опыты осмысления пространства. М., 2011.
6. *Тухватуллина О. И.* Дизайн в диалоге «Человек — Город» [Электронный ресурс]. URL: http://book.uraic.ru/project/conf/txt/005/archvuz18_pril/8/template_article-ar=K01-20-k08.htm
7. *Krauss R.* The Optical Unconscious. MIT Press, 1994.
8. *Venturi R., Scott B. D., Izenour S.* Learning from Las Vegas. MIT Press, Cambridge MA, 1972.

Статья поступила в редакцию 19.11.2012 г.

УДК 394.1 + 395 + 391:316 + 316.7 **Е. А. Никитина**

ОСОБЕННОСТИ ПРОВИНЦИАЛЬНОГО БАЛА (на примере Екатеринбурга конца XIX — начала XX в.)*

Рассматривается бал как феномен культуры. Делается акцент на специфических особенностях провинциального бала. Представлен анализ практики организации и проведения бала в г. Екатеринбурге. Показано, что структурно-семиотическая модель бала обусловливалась социокультурными и пространственными (региональными) характеристиками и функциональностью, актуальной для Екатеринбурга конца XIX — начала XX в.

К л ю ч е в ы е с л о в а: бал, провинциальный бал, семиотика бала, бальный туалет, церемониал, повседневная практика.

На протяжении XVII — начала XX в. бал представлял собой одну из главных составляющих культурной жизни России, неотъемлемую часть ее культурно-исторической реальности. Бал как культурно-исторический и эстетический феномен, обладающий четкой «грамматикой» и семиотикой, появился в Петербурге. Светское времяпрепровождение предполагало посещение балов дворянами. Но уже в XIX в. бальная культура перестала быть частью лишь столичной дворянской культуры: в провинции бал несколько трансформировался и захватил другое сословие — купечество. Так возникли две устойчивые формы бала: столичная и провинциальная.

Исторически сложилось так, что жизнь в провинции по отношению к столичной носила «догоняющий» характер, т. е. культурные практики, существовавшие в провинции, являлись «производными» от столичных форм. Екатеринбург XIX в. в силу своей близости к Сибири и удаленности от столиц являлся глубокой провинцией. «...Екатеринбург как и большинство провинциальных городов, вял и однообразен, в нем веселятся по установившимся тради-

* Материалы подготовлены в рамках федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 гг. Государственный контракт № 14.740.11.1117.

НИКИТИНА Екатерина Александровна — студент Уральского государственного педагогического университета, г. Екатеринбург (e-mail: katerina_nikitina@list.ru).

© Никитина Е. А., 2013

циям от предков», — писал недовольный горожанин в местную газету, отмечая редкость светских мероприятий и однообразный, нединамичный образ жизни на Урале [1, *47*].

Театр и редкие балы представляли два основных вида развлечений жителей уральской столицы, лишь изредка здесь выступали столичные и иностранные гастролеры. В газете «Екатеринбургская неделя» за 1880 г. г-н Стравинский пишет: «Разнообразия мало, мало до бесчувствия!.. Как часто приходится слышать: “Господи! Какая скучище, тосчище (уничижительное от «тоски»), — и зачем это мы приехали сюда!?”» [Там же]. Но когда наступал день бала, весь город поднимался на ноги с раннего утра и начинал жить другой жизнью. Столь редкие балы помогали разогнать тоску и скуку, разнообразить серую жизнь провинциального города: на короткое время Екатеринбург мог почувствовать себя столицей.

Екатеринбургские балы, как и любые другие провинциальные балы, являлись попыткой воспроизвести столичное торжество с максимальными подробностями и достоверностью, но подражание образцу не привело к появлению точной копии столичного бала. Хотя местное дворянство со всей серьезностью перенесло традиционные ценности, идеалы и нормы дворянской культуры на уральскую почву, тем не менее провинциальный бал имел свои особенности.

Приготовления к предстоящему балу начинались заблаговременно. Это было чрезвычайно серьезное дело, тем более в Екатеринбурге, где бал являлся редкостью. Необходимо было найти и подготовить помещение, заказать продукты, украшения и цветы, продумать обед (количество и последовательность блюд), нанять официантов, пригласить музыкантов и распорядителя танцев... Все должно было соответствовать столичному образцу и быть «по высшему разряду».

Внешней стороне бала уделялось пристальное внимание: украшение танцевальной залы, выступающей в роли рамы всего танцевального вечера, убранство других бальных помещений (курительной, буфетной, игровой комнат) были чрезвычайно значимы, так как отделка интерьера, его цветовая гамма способствовали созданию определенного настроения участников бала. «Экзотическая зелень по углам, реставрированная живопись, новые драпировки на окнах, навощенный паркет», — именно так Д. Н. Мамин-Сибиряк описывает бальный зал в романе «Приваловские миллионы» [5, *265*].

Бал не только функционировал как танцевальное пространство, но и был местом демонстрации участниками своего социального статуса, достатка, чему немало способствовали модные наряды. Именно этому элементу бальной культуры уделялось самое значительное внимание. Так как бальные туалеты и аксессуары (украшения, перчатки, веер, агенда — бальная книжечка) выступали в роли знаков бала, то процесс подготовки бального туалета чрезвычайно пристально контролировался, мелочей не существовало. Показательным примером будут описанные в романе «Приваловские миллионы» приготовления к предстоящему балу в Екатеринбурге по случаю именин: «Бедные модистки не спали накануне целую ночь, дошивая бальные платья. ...каждая мелочь была обсуждена на предварительном совещании, затем в проекте, потом производился маленький опыт, и, наконец, следовало окончательное решение» [Там же, *255*].

Если мужчины могли похвастаться на балу только монотонным однообразием черных фраков и жилетов, то дамы в Екатеринбурге, так же как и в столице, пытались блеснуть великолепием своих нарядов. «Туалет дам... но кто в состоянии передать, что может сделать дама со своим туалетом и с самой собой, чтобы быть приятной во всех отношениях?!..» — писал корреспондент «Екатеринбургской недели» [6, *777*]. Хотя следить за модой и следовать ей, живя в провинции, было непросто, но жительницы Екатеринбурга обладали «огромным арсеналом самых разнообразных орудий и массой тайных и явных средств: воланы, буфы, кокардочки, каре, панье, плисе, и даже шнипы» [Там же], чтобы преобразить свой бальный туалет. Именно эти декоративные элементы создают «разнообразие и эффект бальных туалетов» на вечере, они как «краски художника оттеняют, дополняют и придают желанную прелесть... даме» [Там же]. А способ использования декоративных средств и аксессуаров, «более или менее удачная комбинация, зависит от вкуса и фантазии и, в особенности, субъективного настроения дамы» [Там же], ведь язык костюма подчеркивал социальный статус человека, говорил о его художественном вкусе и стиле. Поэтому екатеринбургские модницы, чтобы выглядеть столь же эффектно, как и столичные красавицы, и блистать на местных балах, выписывали наряды из-за границы или шили их на заказ по епропейским образцам, представленным в модных журналах.

Внешний вид был необыкновенно важен и в силу того, что на балу «томные девы, алчущей и жаждущей цепью Гименея, и их сердобольные маменьки, начинают свою охоту за женихами» [1, *47*], в которой наряд играл не последнюю роль. Бальный туалет, создавая определенный образ девушки через крой, богатство ткани, семиотику цвета, аксессуары, украшения, прическу и т. д., позволял показать ее психологического состояние, чувство стиля, вкус и фантазию, а также определенные черты характера.

Но как бы ни были важны убранство бальных помещений, обед и бальные туалеты, все же главным элементом на бале являлись танцы, вокруг которых и складывалась бальная культура. Танцы носили первичный характер; танцы — это своеобразный стержень бала. Именно танцы подвергались наибольшей ритуализации. Церемониал провинциального бала упрощался: поведение на балу было менее ритуализированным, этикетные нормы были не столь жестки — возникало ощущение большей свободы, домашней атмосферы. При этом грамматика бала, его строгая композиция никоим образом не могла быть нарушена, и за соблюдением всего бального ритуала тщательно следили. Сложившийся и укоренившийся в столице бальный ритуал не подвергался сомнениям: традиционная бальная цепочка танцев (полонез — кадриль — вальс — мазурка — котильон) исполнялась по всем правилам, любые перестановки и изменения в ней могли привести к разногласиям в обществе.

Так, в Екатеринбурге 28 декабря 1880 г. пропуск третьей фигуры в кадрили на балу привел к разделению екатеринбургского общества, присутствующего на торжестве, на две партии: Jeunesse doree («золотая молодежь»), желающих упростить танец, и противников нововведений. Вопрос о соблюдении принципов в танце был настолько серьезным, что представители Jeunesse doree

дали клятву не танцевать более самим и запретить это делать своим потомкам до 9-го колена. Данный случай, получивший в местной печати название: «Дело о недотанцованой третьей фигуре кадрили и о гибельных последствиях от сего для всего Уральского края или по крайней мере всего екатеринбургского общества» [1, *47*], подтверждает серьезное отношение в провинции к сложившимся в столице ритуалам и правилам.

Ведь каждый танец в отдельности являлся «выразителем основных идей бального церемониала», нес свою смысловую нагрузку [3, *113*]. Полонез открывал вечер, соответствуя торжественности этого момента, его официальности и парадности. Вальс «раскручивал» действие в своем вихре, давал возможность, как отмечает Ю. М. Лотман, менее официального общения и «нежных объяснений». Мазурка выступала в роли кульминации, ее чрезвычайно точно и красочно описывает Д. Н. Мамин-Сибиряк: «Когда с хор захватывающей волной полились звуки мазурки, все бросились в зал, где танцующие пары выстроились длинной шеренгой. ...публика зашепталась и заахала от восторга, любуясь первыми двумя парами. Опьяняющие звуки мазурки волновали всех, и даже из буфета, из игорной комнаты вышли все, чтобы посмотреть на мазурку. ...мазурка продолжалась около часа; пары утомились, дамы выделывали па с утомленными лицами и тяжело переводили дух» [5, *275*]. Ведь именно мазурка дарила ощущение праздника и веселья, являлась смысловым центром вечера, так как мазурка — это время признаний, не случайно в произведениях классиков русской литературы предложения руки и сердца девушки часто ожидают во время мазурки (Л. Н. Толстой «Анна Каренина»). Котильон, завершающий бал, представлял собой танец-игру, из всей цепочки танцев он был самым непринужденным и динамичным, разрушающим строго организованную структуру бала.

Помимо танцев бал включал в себя ужин, различные развлечения (карты, шахматы, лото, фанты и т. п.) и просто общение. Общение также было важной составляющей бала и столичного, и провинциального, не уступающей по важности танцам — организационному стержню любого танцевального вечера. Все «свободные от карт, кадрилей и вальсов мало-помалу сформировывались в группы по рангам и симпатиям» [6, *777*], общение во время бала давало возможность завести необходимые знакомства для продвижения в обществе или по службе.

Общение, как и остальные элементы бала, регламентировалось и подчинялось церемониалу. Каждому танцу на балу соответствовал свой стиль поведения и беседы: «...в одной группе, соответствующей предмету, беседа шла о разнообразии пирогов <...> в другой, совершенно не соответствующей предмету беседы, горячо рассуждали о принципах и наивыгоднейших способах применения их в практической жизни» [Там же]. При этом стиль поведения и бесед во время провинциального бала отличались от столичных норм большей свободой и непринужденностью благодаря сословиям, которые получили в провинции возможность посещать бал. Ведь екатеринбургские балы предназначались не только для проведения досуга «беспочвенных» дворян, но и для представителей обеспеченных слоев населения Екатеринбурга, составлявших элиту уральского общества: промышленников, купцов и чиновников.

Д. Н. Мамин-Сибиряк в романе «Приваловские миллионы» так описывал екатеринбургское общество на балу: «Собралась самая солидная публика: председатель окружного суда... два члена суда... прокурор... горный инженер; директор банка... несколько золотопромышленников, полицеймейстер... городской голова <...> несколько степенных лиц неопределенных профессий. По костюмам можно было заметить, что это все был народ зажиточный, откормленный, с легким купеческим оттенком. <...> Были тут крупные хлебные коммерсанты, были скупщики сала, пеньки, льняного семени, были... заводчики и просто крупные капиталисты, ворочавшие банковскими делами» [5, *270–272*]. Писатель отразил в своем произведении расширение социальных границ бального пространства, поскольку Екатеринбург являлся центром горнозаводской жизни, уральской промышленности и торговли, то тип купца-промышленника был доминирующим.

Таким образом, провинциальный бал, существовавший в русском обществе конца XIX — начала XX в., обладает некоторыми особенностями, отличающими его от столичного. Во-первых, этикетные нормы и правила поведения были менее жесткими, церемониал допускал некую свободу действий; во-вторых, публика, посещающая балы, была более пестрой и демократичной, что придавало большую непринужденность общению; и, в-третьих, провинциальные балы проводились реже и с меньшим размахом и шиком, чем столичные, но при этом также выступали в роли культурно-досуговой практики привилегированных слоев общества.

---

1. Екатеринбургские развлечения и препятствия с оным // Екатеринбургская неделя (ред. экз.). 1880. № 3. С. 47.

2. *Захарова О. Ю.* Русский бал XVIII — начала XX века: танцы, костюмы, символика. М., 2011. 448 с.

3. *Мамин-Сибиряк Д. Н.* Приваловские миллионы // Соб. соч.: в 8 т. М., 1954. Т. 2. 591 с.

4. Наблюдения и заметки // Екатеринбургская неделя (ред. экз). 1880. № 48. С. 776–778.

Статья поступила в редакцию 17.12.2012 г.